

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.43

**Андрей Викторович
ШУРОВ,**

заместитель начальника
ГУУР МВД России (г. Москва),
генерал-майор полиции

**Виктор Федорович
ЛУГОВИК,**

профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
viug@yandex.ru

**Александр Вадимович
ПАРФЕНОВ,**

начальник кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии управления МВД России
(г. Москва),
доктор юридических наук, доцент
tischagin@yandex.ru

О КОНЦЕПЦИИ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ON THE CONCEPT OF THE MODEL LAW «ON OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES» OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

В статье представлена критическая рецензия на проект новой редакции модельного закона Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) «Об оперативно-розыскной деятельности». Авторами обосновывается актуальность гармонизации оперативно-розыскного законодательства в условиях роста транснациональной преступности на пространстве СНГ.

В качестве объекта исследования выступает проект модельного закона, его концептуальные основы и нормативное содержание. Цель работы – комплексный анализ проекта на предмет его соответствия современным правовым тенденциям, потребностям эффективного межгосударственного сотрудничества и стандартам защиты прав человека. Методология включает сравнительно-правовой, формально-юридический и системный анализ. В результате исследования выявлены фундаментальные концептуальные противоречия проекта, связанные с игнорированием интеграции негласных методов в уголовный процесс ряда государств СНГ, недопустимым расширением задач ОРД за пределы уголовно-правового реагирования и слабостью механизмов судебного контроля. Проанализированы недостатки законодательной техники, ведущие к правовой неопределенности. Сделан вывод о невозможности принятия проекта в представленной редакции. В заключение сформулированы концептуальные предложения по коренной переработке документа, направленные на создание сбалансированной правовой модели, обеспечивающей баланс между оперативной эффективностью и верховенством права.

A critical review of the new edition of the draft model law of the Commonwealth of Independent States (CIS) «On Operational Search Activities» is presented. The authors substantiate the relevance of the harmonization of operational search legislation in the context of the growth of transnational crime

in the CIS. The object of the research is the draft model law, its conceptual foundations and normative content. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the project regarding its compliance with modern legal trends, the needs of effective interstate cooperation and standards for the protection of human rights. The methodology includes comparative legal, formal legal and system analysis. As a result of the research, fundamental conceptual contradictions of the project related to ignoring the integration of covert methods into the criminal procedure of a number of CIS countries, the unacceptable expansion of the tasks of the operational search activity beyond the limits of criminal law response and the weakness of judicial control mechanisms are identified. The imperfections of legislative techniques leading to legal uncertainty are analyzed. It is concluded that it is impossible to adopt the draft in the submitted version. Conceptual proposals for the fundamental revision of the document aimed at creating a balanced legal model that ensures a balance between operational efficiency and the rule of law are formulated.

Ключевые слова: модельный закон, оперативно-розыскная деятельность (ОРД), Содружество Независимых Государств (СНГ), гармонизация законодательства, транснациональная преступность, уголовный процесс, права человека, судебный контроль.

Keywords: model law, operational search activity, Commonwealth of Independent States (CIS), harmonization of legislation, transnational crime, criminal procedure, human rights, judicial oversight.

Современный этап развития Содружества Независимых Государств характеризуется формированием национальных правовых систем, которые, отталкиваясь от общего исторического фундамента, движутся по различным траекториям. Это происходит на фоне серьезных вызовов, связанных с транснациональным характером современных криминальных угроз. Организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотиков и коррупционные сети не признают государственных границ, используя правовые пробелы и различия в национальных законодательствах для своей деятельности [подр.: 1, с. 14-15]. При этом именно оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), в силу своей конспиративности, оперативности и возможности применения негласных методов, выступает действенным инструментом противодействия данным вызовам. Большинство тяжких и особо тяжких преступлений на пространстве СНГ раскрывается с использованием результатов ОРД.

Однако эффективность трансграничного сотрудничества в этой сфере напрямую зависит от степени гармонизации национальных оперативно-розыскных систем. В настоящее время государства СНГ подошли к крити-

ческой точке правового развития в области ОРД. С одной стороны, все они унаследовали схожие концептуальные подходы и оперативные традиции. С другой стороны, за годы независимости национальные законодательства об ОРД стали существенно расходиться по ключевым параметрам: по определению перечня субъектов ОРД, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), процедур судебного санкционирования и, что наиболее важно, режимов использования полученных результатов [2, с. 248]. Этот разноречивый создает «серые» правовые зоны, в которых преступники могут укрываться, а оперативные сотрудники сталкиваются с законодательными барьерами и рисками признания их действий незаконными на территории партнера.

В этих условиях обсуждение 9 октября 2025 г. на заседании Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи СНГ по вопросам обороны и безопасности новой редакции модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее в качестве равнозначного – Проект) свидетельствует о возвращении к идее разработки современного, концептуально выверенного закона для СНГ, что представляется не просто целесо-

образным, а императивом для обеспечения коллективной безопасности и построения общего правового пространства.

Важно обосновать эту необходимость, последовательно раскрывая аргументы, связанные с потребностями правовой гармонизации, защиты прав человека, повышения оперативной эффективности и укрепления основ правового государства [подр.: 5, с. 63].

Первым и фундаментальным основанием для разработки модельного закона является необходимость преодоления фрагментации правового регулирования ОРД на пространстве СНГ. Исторически сложившаяся общность оперативных подходов создает уникальную возможность для сотрудничества, однако без современной правовой корректировки этот актив не может быть реализован в полной мере. И здесь важно преодолеть законодательную асимметрию. Различия в национальных законах порождают практические коллизии. Так, ОРМ, законно проведенное в одном государстве, может не иметь правового признания в другом, что ставит под сомнение допустимость полученных доказательств и срывает расследования. Модельный закон призван выполнить роль унифицирующего каркаса, установив базовые, единообразные определения ключевых понятий, принципов деятельности и минимальных стандартов правового регулирования. Это создаст предсказуемую среду для взаимодействия.

Необходимо также оптимизировать механизмы оперативно-розыскного сотрудничества. Фактическое оперативное взаимодействие между спецслужбами и правоохранительными органами стран СНГ существует, но зачастую опирается на ведомственные соглашения и неписанные правила, что несет в себе риски с точки зрения верховенства права и парламентского контроля. Модельный закон, как акт политико-правового характера, призван легитимировать это сотрудничество, закрепив его формы (обмен информацией, проведение совместных ОРМ, создание совместных следственно-оперативных групп) на уровне модельного законодательства.

Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» может быть достойным ответом на качественную трансформацию

преступности, которая отличается высокой степенью организованности, технологической оснащенности и транснациональной мобильности. Противодействие ей требует столь же скоординированных и быстрых действий [4, с. 405]. Разрозненные национальные законы, регламентирующие, например, контроль в сетях электросвязи или порядок проведения контролируемых поставок наркотиков, создают операционные задержки. Модельный закон может заложить единые правовые основания для применения наиболее эффективных и сложных ОРМ в трансграничном контексте, что позволит правоохранительным системам СНГ действовать на опережение.

Следующий ключевой аргумент касается необходимости закрепления в рамках СНГ единых высоких стандартов в области прав человека. ОРД в силу своей природы сопряжена с ограничением конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и жилища. Исторически эта деятельность в странах постсоветского пространства долгое время регулировалась актами ведомственными актами.

Разработка модельного закона – это уникальная возможность комплексно имплементировать в национальные законодательства государств СНГ общепризнанные международно-правовые стандарты по проведению негласных операций по борьбе с преступностью и соблюдению прав человека. Речь идет о принципах законности, соразмерности, необходимости, судебного контроля и эффективных средств правовой защиты. Модельный акт должен детально прописать не только права органов, осуществляющих ОРД, но и гарантии для граждан.

Современное общество не может позволить себе существование «правового вакуума» в столь чувствительной сфере. Открытое, публичное обсуждение и принятие четких законодательных рамок, гармонизированных в масштабах СНГ, повышает прозрачность и подконтрольность негласной деятельности. Это укрепляет доверие граждан к правоохранительным институтам и снижает социальную напряженность [3, с. 105].

Справедливые правила, закрепленные в модельном законе, должны защищать и самих

сотрудников оперативных подразделений. Они получают правовую определенность, понимая границы своих полномочий и процедуры их реализации в трансграничном контексте.

Принятие современного модельного закона отвечает долгосрочным стратегическим интересам СНГ как организации, стремящейся к углублению интеграции. В условиях геополитической турбулентности наличие общего, предсказуемого правового режима в такой критически важной сфере, как антикриминальная безопасность, становится стратегическим активом. Он способствует укреплению суверенитета государств-участников, позволяя им более эффективно противостоять внешним вызовам и транснациональным угрозам на основе собственных, согласованных правил.

Процесс разработки модельного закона неизбежно активизирует сравнительно-правовые исследования, дискуссии среди ведущих юристов и практиков стран СНГ, будет способствовать формированию общей доктринальной базы, конвергенции научных школ и выработке оптимальных правовых решений. Модельный закон, в отличие от международного договора, не налагает жестких юридических обязательств. Он является формой «мягкого права», предлагая государствам эталонную модель для постепенной адаптации своего законодательства.

Таким образом, необходимость разработки и принятия новой редакции модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для СНГ продиктована комплексом взаимосвязанных причин: от практической потребности в эффективном противодействии транснациональной преступности до фундаментальной задачи построения правовых государств, в которых силовые органы действуют в рамках четкого закона, обеспечивающего баланс между безопасностью и свободой.

Такой закон должен стать не просто техническим шаблоном, а стратегическим документом, закрепляющим единство целей (защита личности, общества, государства от преступных посягательств), единство принципов (законность, уважение прав человека, конспирация, сочетание гласных и негласных

методов) и единство подходов к ключевым процедурам. Его принятие станет убедительным свидетельством политической воли государств – участников Содружества к углублению интеграции и общей ответственности за безопасность в регионе. В конечном счете это вопрос не только оперативной эффективности, но и цивилизационного выбора в пользу правового порядка и достоинства личности.

Замечания и предложения

Оперативно-розыскная деятельность по своей правовой природе является вспомогательным инструментом уголовно-правового реагирования на преступность. Соответственно, модельный закон СНГ об ОРД должен быть ориентирован на борьбу с преступностью и обеспечение уголовного правоприменения, а также на создание сопоставимых стандартов межгосударственного взаимодействия (обмен информацией, совместные мероприятия, передача результатов в уголовное судопроизводство, минимальные гарантии прав личности).

В этой связи включение в модельный закон контрразведывательных, административно-проверочных и иных задач является методологически ошибочным, так как это размывает назначение ОРД, снижает легитимность модели и осложняет ее принятие государствами с иной архитектурой специальных служб и административного контроля. Такое расширение превращает ОРД в универсальный инструмент скрытого государственного контроля, а не в механизм предотвращения и раскрытия преступлений, снижает совместимость модели с правопорядками, где негласное вмешательство допускается преимущественно в рамках уголовного судопроизводства и противоречит назначению модельного закона СНГ как основы кооперации именно в уголовно-правовой сфере.

Поэтому задачи и основания ОРД в модели следует сузить до уголовно-правовых целей: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; розыск лиц, скрывшихся от уголовного преследования и исполнения приговора; установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Административно-проверочные и контрразведывательные цели целесообразно ис-

ключить из модели как предмет иных отраслевых законов.

ОРД неизбежно затрагивает конституционные права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и сообщений, свободу передвижения, право собственности и право на справедливое судебное разбирательство. Поэтому современный тренд в государствах СНГ – это перевод наиболее интенсивных форм негласного вмешательства из «внепроцессуального» режима в уголовно-процессуальный формат (негласные следственные действия или специальные следственные действия), где действуют более жесткие стандарты допустимости, судебный контроль и правила раскрытия стороне защиты.

На этом фоне предлагаемый Проект, позиционируемый как «учет современных тенденций», концептуально движется в противоположном направлении, расширяя автономию ОРД и одновременно допуская использование материалов ОРД в уголовном процессе (вплоть до возбуждения дела и доказывания), но без сопоставимых процессуальных гарантий. В результате модельный закон рискует не гармонизировать, а дезорганизовать национальные системы права.

Концептуальная проблема заключается в том, что Проект «не попадает» в современную архитектуру уголовного процесса стран СНГ. Ключевой изъян – попытка заново «надстроить» самостоятельный нормативный массив вокруг негласного получения информации, тогда как в ряде государств СНГ соответствующие инструменты уже институционализированы в уголовно-процессуальном законодательстве как негласные или специальные следственные действия с процессуальными гарантиями и судебным контролем. Так, УПК Республики Казахстан прямо содержит главу о негласных следственных действиях и перечисляет их виды (ст. 231), а УПК Кыргызской Республики закрепляет «специальные следственные действия» как действия без информирования затрагиваемых лиц, направленные на получение сведений, подлежащих доказыванию, когда обычными следственными действиями это невозможно.

На этом фоне модельный закон в предложенном виде провоцирует дублирование

и конкуренцию режимов (ОРМ по оперативно-розыскному закону против негласных следственных действий по УПК) и создает риск обхода уже установленных в упомянутых странах процессуальных стандартов. Иными словами, вместо гармонизации с уже сложившимся в ряде стран СНГ «процессуальным» форматом негласных следственных действий Проект возвращает дискуссию на шаг назад и потенциально конфликтует с действующими УПК-моделями. Таким образом, он не является универсально применимой моделью для СНГ: он «заточен» под юрисдикции с сильной автономией ОРД, например, Российскую Федерацию или Республику Беларусь, и практически несовместим с правовыми порядками, где негласные инструменты уже процессуализированы. Именно поэтому оценка Проекта требует строгой проверки на согласуемость с УПК-моделями государств СНГ и юридическую определенность терминологии.

Пояснительная записка к Проекту подчеркивает гарантии прав и законности, но конструкция предлагаемого закона системно увеличивает пространство ведомственного усмотрения: широкие формулы целей («обеспечение безопасности общества и государства» в ст. 1); расширенные задачи (ст. 3) и основания (ст. 16); множественные отсылки к национальному законодательству и ведомственным актам (ст. 4, ст. 12, ст. 36, ст. 41 и др.). Для модельного закона такая техника регулирования недопустима, так как он по своему предназначению должен задавать минимальный стандарт правовой определенности, а не разрешать все или отсылать регламентацию отечественному законодателю.

Анализ предлагаемого модельного закона выявляет фундаментальное противоречие между декларируемыми в пояснительной записке целями и фактической нормативной конструкцией. Несмотря на заявленные в записке намерения по усилению гарантий прав граждан и законности, системная архитектура документа приводит к противоположному результату – к необоснованному расширению сферы ведомственного и национального усмотрения. Эта тенденция проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, в использовании предельно широких, идеологически окрашенных формул, таких как «обеспечение безопасности общества и государства» (ст. 1), что лишает закон предметной определенности. Подобные категории, не имеющие четких юридических критериев, трансформируются из деклараций в легальные основания для практически неограниченного вмешательства, поскольку под них можно подвести практически любую оперативную активность.

Во-вторых, в расширении перечня задач (ст. 3) и оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 16), что не только размывает профильное предназначение ОРД как инструмента борьбы с преступностью, но и создает предпосылки для ее использования в несвойственных целях, включая административный контроль и предупредительно-разведывательные функции, что ведет к ее универсализации.

В-третьих, в обилии бланкетных и отсылочных норм к «национальному законодательству» и «ведомственным актам» (ст. 4, 12, 36, 41 и др.), что фактически означает отказ от собственно моделирования единых стандартов. Ключевые элементы правового режима – процедуры, гарантии, критерии, механизмы контроля – выводятся за рамки модельного акта, делегируя их формирование на национальный или даже ведомственный уровень.

Подобный подход является концептуально порочным для документа, имеющего статус модельного закона. Его основная миссия заключается не в санкционировании максимально широкого спектра возможных действий или в легитимации существующих национальных практик, а в установлении единого минимального (рамочного) стандарта правовой определенности и гарантий. Такой стандарт должен обеспечивать создание общей понятийной и процедурной основы для взаимодействия правоохранительных систем государств СНГ в уголовно-правовой сфере; четкое определение границ допустимого вмешательства, исключающее произвольное толкование; закрепление конкретных, а не декларативных механизмов судебного и прокурорского контроля, действующих независимо от национальных особенностей.

Таким образом, вместо выполнения своей интеграционной и стандартизирующей функции Проект в его текущей редакции поощряет правовой партикуляризм и закрепляет регулятивную неопределенность, что противоречит самой сути модельного законодательства.

Сомнительная законодательная техника: «унификация» достигается усложнением и размыванием. В пояснительной записке утверждается, что дробление определений ОРМ по отдельным статьям (ст. 21-34) упрощает восприятие и обеспечивает единообразие. На практике получается обратное:

- проект перегружен дефинициями, которые не дают правовой определенности, а лишь «переписывают» тактическую лексику ведомственных нормативных правовых актов в закон;

- вместо унификации терминов для СНГ фиксируются конструкции, характерные для отдельной национальной традиции;

- целые блоки ключевых вопросов «выводятся» в подзаконное нормотворчество органов ОРД (см. многочисленные отсылки к актам органов, «определяются органами...», «в порядке, установленном национальным законодательством»), что для модельного закона выглядит как отказ от собственно моделирования.

Представляется методологически ошибочным включение в текст модельного закона детальной регламентации порядка ведения дела оперативного учета (ст. 17). Данный институт по своей правовой природе представляет собой сугубо внутренний документооборот оперативного подразделения, предназначенный для служебного использования. Его подробная законодательная фиксация выполняет лишь формальную, а не содержательную регулятивную функцию, так как не создает правовых последствий, доступных для внешней проверки. Детализация подобных процедур на уровне закона вводит в заблуждение относительно реального уровня гарантий прав граждан. Поскольку доступ к материалам дела оперативного учета для участников уголовного судопроизводства по определению исключен в целях конспирации, любые законодательные предписания о его ведении

остаются непроверяемыми и, следовательно, нефункциональными с точки зрения процессуальных гарантий. Практическим результатом такой регламентации становится не усиление правовой защиты, а лишь создание видимости законодательного контроля над не подлежащей контролю организацией и тактикой ОРД, что подрывает доверие к правовым институтам.

Основная задача модельного закона должна заключаться не в кодификации внутренних административных регламентов, а в установлении четких, транспарентных и проверяемых процедурных гарантий на стыке оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Законодатель должен фокусироваться на регулировании ключевых моментов: четкие критерии и процессуальные формы, в которых сведения, полученные оперативным путем, подвергаются проверке, оценке и трансформируются в доказательства, допустимые в уголовном процессе; механизмы, обеспечивающие возможность для суда и стороны защиты проверить законность получения исходных данных и достоверность выводимой из них информации, даже при сохранении в тайне конкретных оперативных методов и источников; недопустимость принятия итоговых судебных решений исключительно на основе материалов, не подлежащих какой-либо форме состязательной проверки [подр.: 6, с. 141].

Таким образом, избыточная детализация внутреннего делопроизводства отвлекает внимание от принципиального пробела – отсутствия надежного правового «моста» между оперативно-розыскной информацией и судебным доказательством. Модельный закон призван именно создать такой «мост», основанный на гарантиях, а не закреплять непрозрачные внутренние процедуры, остающиеся «черным ящиком» для правосудия.

Несмотря на наличие главы о прокурорском надзоре и контроле (ст. 69, ст. 70), Проект не предлагает действенных механизмов, позволяющих преодолеть ключевое противоречие: как осуществлять полноценный надзор за негласной деятельностью? как обеспечить конспирацию и режим секретности

при представлении оперативно-служебных документов? каковы полномочия прокурора? Упоминание о представлении материалов прокурору не решает проблему, так как сами эти материалы могут и не отражать всех аспектов законности проведенных ОРМ, с другой стороны, они могут содержать сведения об организации и тактике ОРД, не входящие в предмет надзора. Модельный закон должен содержать более прогрессивные и конкретные нормы о судебном и парламентском контроле за использованием наиболее инвазивно-наступательных ОРМ.

Глоссарий: спорный набор терминов и слабые определения. Проект заявляет введение новых основных терминов, но значительная часть глоссария выглядит методологически уязвимой. Выскажем сомнение относительно некоторых терминов и их дефиниций.

1. Ненужность определения понятия ОРД. Оперативно-розыскное законодательство необходимо освободить от избыточных норм, носящих декларативный характер и не несущих правовой нагрузки. К таковым можно отнести определение ОРД, данное в ст. 1. При этом нужно учитывать, что любая дефиниция отражает не все признаки определяемого понятия, тем более, невозможно дать нормативное определение такому сложному виду социальной практики, как оперативно-розыскная деятельность. Здесь можно провести аналогию с уголовно-процессуальным, уголовным или гражданским законодательством: в них нет специальных норм, поясняющих, что такое уголовно-процессуальная или иная деятельность, нет определений допроса и обыска и т.п.. По этой же причине следует признать необоснованными попытки дать нормативные правовые дефиниции оперативно-розыскному мероприятию как родовому понятию или отдельным методам ОРД. При этом дефиниция в ст. 1 чрезмерно широкая (фактически покрывает «обеспечение безопасности общества и государства», то есть почти без границ) и не проводит четкой демаркации между ОРД, уголовным преследованием, контрразведкой, административным контролем. В результате определение

ради определения не выполняет главной функции – наполнение понятия правовым смыслом.

2. Предложенная дефиниция «оперативно-розыскного мероприятия», сводящая его к «способу действия», методологически не состоятельна, поскольку не выполняет ключевую функцию юридического определения – не устанавливает его правовую природу и отличительные признаки. Абстрактность такой формулировки приводит к смешению правовых режимов: она не проводит границы ни с уголовно-процессуальными действиями (особенно при допустимости использования результатов для возбуждения уголовного дела и доказывания), ни с внутриведомственными организационно-тактическими операциями, легализация которых на уровне закона без строгих процессуальных рамок недопустима. Напомним, что уголовно-процессуальное законодательство вполне успешно обходится без дефиниции «следственные действия». Более важным является не детальное определение каждого термина в законе, а четкое законодательное определение юридической процедуры проведения ОРМ, чего в Проекте не предложено.

3. Неприемлемым следует признать предлагаемое определение категории «близкие лица». Включение в него помимо родственников и членов семьи «иных граждан, которых обоснованно считают близкими» вводит в законодательство оценочную и неопределенную правовую конструкцию. Отсутствие четких, проверяемых критериев для отнесения лица к «близким» (таких как характер фактических отношений, их длительность, взаимные обязательства) фактически делегирует правоприменителю неограниченное дискреционное право по произвольному расширению этого круга. Подобная формулировка не соответствует принципам юридической техники, требующим от правовых дефиниций точности и предсказуемости толкования. В контексте оперативно-розыскной деятельности, где статус «близкого лица» может влечь применение мер безопасности, ограничение прав или предоставление доступа к конфиденциальной информации, подобная расплывчатость создает недопустимые риски для

прав граждан и открывает возможность для злоупотреблений.

4. Включение в модельный закон дефиниций «материалы ОРД» и «оперативно-служебные документы» является концептуально ошибочным. Их правовой смысл остается неясным, а практический эффект сводится к излишней иерархизации и регулятивному усложнению внутреннего документооборота оперативных аппаратов. Такие понятия, как «документ» или «материал», не требуют специального законодательного определения, поскольку их содержание очевидно в рамках общего языка права. Однако, придав особый статус формам внутренней служебной отчетности, предлагаемый Проект фактически конструирует самодостаточный нормативный массив, существующий параллельно уголовно-процессуальному регулированию. Это создает системную угрозу: чем более детализированным и «замкнутым» становится этот массив, тем выше риск необоснованной процессуализации ОРД.

5. Непонятна цель нормативной дефиниции ряда терминов, не вызывающих вопросов в ходе оперативно-розыскного правоприменения, например «средства негласного получения (фиксации) информации», «специальные знания», «предметы и документы» и др.

Проект содержит нормы, которые усиливают именно оперативную автономию, – при том, что последствия выходят в уголовный процесс. В частности, «контроль в сетях электросвязи» (ст. 31) объединяет несколько по сути разных вмешательств (перехват, фиксация, получение данных, геолокация, прерывание соединений). Такая «супер-мера» – типичный признак правовой неопределенности: чем больше внутри одной нормы, тем проще обходить пороги допустимости.

Системный дисбаланс в использовании материалов ОРД: риск формирования режима «закрытого правосудия». Блок статей 49-50 Проекта, регламентирующий использование материалов оперативно-розыскной деятельности, содержит внутренние противоречия, создающие системную угрозу принципам справедливого судебного разбирательства. Его ключевой дефект заключается в установлении асимметричного режима, кото-

рый одновременно легализует использование данных материалов в качестве основания для ключевых процессуальных решений (возбуждение уголовного дела) и в качестве средства доказывания, но при этом наделяет их статусом фактической неприкосновенности.

Данный правовой механизм формирует проблемную конструкцию легитимации «закрытого» обвинения. Уголовное преследование приобретает возможность инициироваться и поддерживаться сведениями, источник, способ получения и полнота которых могут быть скрыты от стороны защиты под предлогом конспирации, защиты методов работы или жизни источников (ст. 50). Это прямо противоречит конституционному принципу состязательности, предполагающему равные возможности сторон по исследованию и оспариванию доказательств. А возможность непредставления результатов ОРД, лишает защиту основного инструмента для проверки достоверности таких сведений, оценки законности их получения и возможной провокации. Обвинение, таким образом, получает в распоряжение категорию доказательств, не подверженных полноценной перепроверке и критике противоположной стороной, что сводит на нет само понятие равноправия в процессе. При таком походе надзор и судебный контроль за законностью превращаются в формальность, если их субъекты лишены доступа к полной информации о происхождении и обстоятельствах получения доказательств. Суд и прокурор вынуждены принимать решения, основываясь на уже отфильтрованных и интерпретированных оперативным ведомством материалах, не имея возможности самостоятельно оценить исходные данные. Это трансформирует их роль из независимых арбитров в санкционирующие инстанции, зависящие от представленной им ведомственной версии.

Для модельного закона, декларирующего гарантии законности и прав личности, подобный подход представляет собой концептуальный перекося. Вместо создания сбалансированной процедуры, обеспечивающей как эффективность расследования, так и права обвиняемого, Проект институционализирует режим «закрытого доказательства». В этой

конструкции декларативные гарантии правосудия подменяются безусловным приоритетом ведомственных интересов в сохранении служебной тайны, что ведет к эрозии фундаментальных основ справедливого судопроизводства и создает прецедент для построения обвинения на непроверяемых основаниях.

Расширение задач ОРД от борьбы с преступностью к универсальному сбору сведений. Проект расширяет задачи ОРД (установление имущества под арест, обеспечение безопасности участников процесса, допуск к секретам и видам деятельности и т. п.). В теории это можно объяснить практическими потребностями, но юридически это ведет к тому, что ОРД превращается в универсальный инструмент государственного контроля, а не в строго ограниченный механизм для целей борьбы с преступностью.

В государствах, где негласные действия уже включены в УПК как специальные или негласные следственные действия (см. примеры выше), такая универсализация особенно конфликтна: процесс и так предоставляет инструменты – но с более жесткими стандартами.

Таким образом, Проект в нынешнем виде оторван от оперативно-розыскной реальности СНГ и не согласуется с правовой эволюцией ряда государств, где негласное вмешательство уже встроено в уголовно-процессуальные модели (негласные или специальные следственные действия) и подчинено процессуальным гарантиям.

Предлагаемый глоссарий не укрепляет определенность, многие дефиниции избыточны, расплывчаты или тактически-ведомственные по смыслу. Особенно сомнительна потребность в отдельном «самоценном» определении ОРД.

Проект скорее консервирует и легализует устаревшее понимание ОРД, нежели создает современную модель баланса безопасности и прав человека. Для модельного закона СНГ это означает методологическую неудачу: он не задает «лучшую практику», а закрепляет спорные решения, которые уже вступают в противоречие с процессуальными подходами, принятыми в ряде юрисдикций.

Как регуляторный акт Проект является громоздким и внутренне противоречивым.

Он не предлагает работающих решений для главных вызовов в сфере ОРД, сосредотачиваясь на формальных аспектах. Его имплементация скорее осложнит, чем улучшит правоприменительную практику.

Закключение: представленный проект модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не может быть рекомендован к принятию в качестве современного стандарта для государств СНГ. Требуется его коренная переработка с фокусом на:

- гармонизацию с национальными УПК и четкое разграничение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности;
- разработку ясных законодательных процедур преобразования результатов ОРД в доказательства;
- укрепление реальных, а не декларативных механизмов судебного и прокурорского контроля;

– отказ от избыточной детализации профессиональных организационно-тактических понятий;

– сужение целей, задач и оснований ОРД до уголовно-правового ядра, исключив административно-проверочные и контрразведывательные задачи из предмета модельного закона;

– выделение в модели раздела, прямо ориентированного на межгосударственное взаимодействие в уголовно-правовой сфере.

Вывод: устранение указанных недостатков требует не редакционной правки, а концептуальной переработки Проекта. Его следует переориентировать с детализации оперативных методик на создание надежных правовых мостов между оперативной деятельностью и уголовным процессом с безусловным приоритетом процессуальных гарантий и верховенства права.

Библиографический список

1. Воронцов, А.В. Информационно-аналитическое обеспечение розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по линии борьбы с организованной преступностью : монография / А.В. Воронцов, А.В. Парфенов. – М.: Проспект, 2025. – 72 с.
2. Галахов, С.С. Проблемы правовой основы оперативно-розыскной деятельности и пути совершенствования законотворческой деятельности в этой сфере (к юбилею принятия федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») / С.С. Галахов // Теория и практика общественного развития. – 2025. – N 11(211). – С. 247-253.
3. Галахов, С.С. Принципы, обеспечивающие решение задач оперативно-розыскной деятельности (научно-прикладные проблемы) / С.С. Галахов, Н.Б. Маликова // Алтайский юридический вестник. – 2021. – N 4(36). – С. 102-107.
4. Иванов, П.И. 30 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / П.И. Иванов // Аграрное и земельное право. – 2025. – N 7. – С. 404-409.
5. Луговик, В.Ф. Мораль в оперативно-розыском законодательстве: новые контексты и вызовы / В.Ф. Луговик // Общество и право. – 2025. – N 1(91). – С. 59-70.
6. Луговик, В.Ф. Конституционный прецедент толкования в контексте трансформирующейся концепции оперативно-розыскной деятельности / В.Ф. Луговик, В.И. Сургутсков // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30. – N 2(93). – С. 139-145.